

Царь - девица — русская народная сказка

Русская народная сказка

В некотором царстве, в некотором государстве жил царь с царицею, у них был сын Василий-царевич, и был к нему дядька приставлен. Померла царица, остался царевич сиротою. Думает царь: не то сына женить, не то самому жениться? Вздумал сам жениться. Взял за себя молодую жену, и сделалась она в доме полной хозяйкою, Василью-царевичу злою мачехой. Пожил царь с нею несколько времени, заболел и помер; а царица связалась с дядькою. Раз зовет Василий-царевич своего дядьку:

— Пойдем по городской стене погуляем.

— Пойдем, царевич!

Пошли; гуляли-гуляли, стали с городской стены спускаться, вдруг из каменной башни окликают царевича три голоса — лев, змей и ворон:

— Выпусти нас, Василий-царевич, из неволи! Мы тебя от трех смертей избавим.

Спрашивает царевич дядьку:

— Слышишь, что у нас на городской стене деется?

— Нет, Василий-царевич! Ничего не слышу.

— А коли не слышишь, чтоб тебе и вовек не слышать!

Воротились они домой. Вечером рано ложится Василий-царевич спать, а дядьку от себя отсылает; дядька тому и рад, побежал с мачехой тешиться.

Вот царевич переждал сколько-то времени, встал потихоньку, взял железный лом в двадцать пять пудов, вылез в окошко и пошел к городской стене. Ударил раз-другой и разбил башню; вышли оттуда лев, змей и ворон, обступили кругом царевича и стали ему наказывать:

— Слушай, Василий-царевич, нашего наказу! Как были у тебя отец

да мать родные, долго они искали тебе невесту и таки выискали – за тридевять земель, в тридесятом царстве высватали за тебя царь-девицу и такой уговор с нею сделали: тебе на иной не жениться, ей за иного замуж не выходить. Уж скоро двенадцать лет, как она ждет тебя – не дождется. Возьми-ка ты завтра гусли, сядь на корабль и ступай по морю погулять. Как только выедешь в море да заиграешь в гусли, царь-девица сейчас к тебе будет. Только смотри: станет тебя сон клонить, а ты спать не моги! Коли уснешь, она тебя не добудится и назад уедет. Да еще тебе скажем: берегись, Василий-царевич, заутро смерть тебя ожидает.

– Какая смерть? – спрашивает царевич.

– Твоя мачеха испечет на змеином сале три лепешки и велит тебе подать; не моги их кушать, лучше в карман положи – через малое время все зло уведаешь.

Как сказано, так и сделано: взял царевич лепешки, положил в карман и пошел за городскую стену; слышит – что-то в кармане ползает, сунул туда руку и вытащил ужа, сунул вдругорядь – вытащил змею, сунул в третий раз – вытащил лягушку.

– Правду сказали лев, змей и ворон; съешь я лепешки – все бы это у меня в утробе народилось!

Ворочается царевич домой, берет гусли и говорит дядьке:

– Пойдем на корабль, поплывем, по морю погуляем.

Дядька побежал с докладом к мачехе:

– Царевич-де хочет гулять по морю и гусли с собою берет.

Говорит ему царица:

– Вот тебе медная булава, воткни ее царевичу в ворот кафтана; тогда он заснет крепким сном, и кто б ни пришел, кто бы ни приехал – ни за что его не разбудит!

Дядька взял булаву и пошел с царевичем на пристань, сели на корабль и поехали в открытое море. Василий-царевич заиграл на гусях; услышала ту игру царь-девица из-за тридевяти земель, подымала шесть полков, поспешала на свои корабли легкие и пускалась в путь – к Василью-царевичу. Царевич завидел паруса за три версты и возгласил дядьке:

– Это чьи корабли плывут?

– А мне почем знать! – отвечал дядька да тем временем вынул

булавку и воткнул царевичу в ворот кафтана.

– Ах! Что-то мне спать хочется, – проговорил царевич, лег и заснул крепким сном.

Вот наехала царь-девица, спустила с своего корабля сходни на корабль Василья-царевича, сошла к нему, стала его будить-целовать, на полотнах качать, нежные речи приговаривать; нет, не могла добудиться. Говорит она дядьке:

– Поклонись от меня Василью-царевичу да скажи ему, чтоб ложился спать с вечера, обо мне не печалился: завтра я опять приеду.

Сказала и уехала; как только отплыла царь-девица на версту или две, дядька видит, что теперь до нее голосом кричать – не докричатся, рукою махать – не домахаться, взял да и выдернул булавку. Василий-царевич проснулся и стал дядьке рассказывать: – Виделось мне во сне, будто какая пичужечка вокруг меня увивалась да так-то грустно щебетала, что у меня на душе и теперь тошно!

Отвечает дядька:

– Не пичужечка то увивалась – увивалась прекрасная царь-девица, целовала тебя, миловала, на полотнах качала, никак не могла добудиться; уезжая, она приказала, чтобы ты, добрый молодец, ложился спать с вечера, поутру раненько вставал да опять сюда побывал.

Василий-царевич воротился домой и залег спать с вечера; только с горя, со кручины не мог уснуть крепким сном; поутру встал раным-рано и говорит дядьке:

– Поедем на корабле прогуляться!

Дядька побежал к мачехе докладывать, что Василий-царевич опять на море собирается и берет с собой гусли звонкие.

– На тебе другую булавку, – говорит ему царица, – сделай нонче то же самое, что и вчера делал.

Дядька взял булавку и пошел с царевичем на пристань; сели на корабль и поехали в море. Василий-царевич заиграл на гуслях, да так нежно, сладко, что и сказать нельзя. Услыхала его игру царь-девица, не могла усидеть на месте, быстро вскочила и закричала громким голосом:

– Ай вы, корабельщики! Подымайте якоря железные, распускайте

паруса тонкие и готовьтесь скорехонько плыть к Василью-царевичу: надо его пораньше застать, пока не заснул непробудным сном.

Понеслись ее корабли по морю, словно птицы быстролетные; за три версты увидал Василий-царевич паруса белые и спросил у дядьки:

– Это чьи корабли плывут?

– А мне почем знать! – отвечал дядька, вынул булавочку и воткнул царевичу в ворот кафтана. Начала дрема одолевать Василья-царевича, умылся он водою холодною – думал как-нибудь разгуляться! Нет-таки, не стерпел добрый молодец, повалился на палубу и заснул мертвым сном. Приехала царь-девица, спустила сходни на корабль Василья-царевича, сошла к нему, начала его будить-целовать, на полотнах качать; царевич спит – не пробуждается. Принялась на него брызгать, обливать холодной водою: авось проснется! Нет, ничего не помогает. Царь-девица написала письмецо, положила царевичу на белую грудь, ушла на свой корабль и поехала назад; а в том письмеце было написано:

– Прощай, Василий-царевич! Не ожидай меня в третий раз; кто меня любит, тот сам найдет!

Как только отъехала царь-девица, а дядька увидал, что до нее криком не докричатся, рукою не домахаться, тотчас взял да и выдернул булавку. Василий-царевич проснулся и говорит:

– Что б это значило? Во второй раз мне привиделось, будто какая пичужечка вокруг меня долго увивалася.

Отвечает дядька:

– Не пичужечка то увивалась, увивалася прекрасная царь-девица, целовала тебя, миловала, на полотнах качала, холодной водою обливала, никак не могла добудиться.

– А что у меня на груди за бумага?

– Это она письмецо написала.

Василий-царевич раскрыл письмецо, прочитал и слезно заплакал:

– Правду говорили мне лев, змей и ворон, чтоб я от сна воздержался; да видно – чему быть, того не миновать!

Приходит он домой в сердцах великих, берет ружье в белые руки и идет в зеленый сад горе размыкать. На любимой его яблоне сидит черный ворон да каркает:

– Кар-кар, Василий-царевич! Не послушался ты, не сумел от сна воздержаться – вот теперь и пеняй на себя!

– Как, – думает царевич, – уж и птица надо мной смеяться стала!

Тотчас навел ружье, спустил курок и обломил ворону правое крыло.

Еще тошней у него на душе стало, вышел в чистое поле, шел-шел, и попался ему пастух с табуном лошадей.

– Бог помочь тебе стадо пасти!– говорит Василий-царевич.

– Добро жаловать, Василий-царевич!

– А ты как меня знаешь?

– Как же мне не знать тебя, коли я у твоего батюшки тридцать лет в пастухах служил. Зовут меня Ивашка белая рубашка, сорочинская шапка; допрежде того был я первым воеводою, да отец твой разгневался и за провинок сослал меня в пастухи.

– Не ведаешь ли ты, Ивашка белая рубашка, коня по мне? Если выищешь мне доброго коня, я тебя по век не забуду и коли буду во времени – опять первым воеводою сделаю.

Говорит ему Ивашка:

– Не посмотри твоей силы, нельзя тебе и коня указать. Вот стоит ракитовый куст, попробуй – выдерни его с корнем.

Василий-царевич ухватился за куст и выдернул его с корнем – под тем кустом лежит меч-кладенец, боевая палица и вся богатырская сбруя: узда в три пуда, седло в двадцать пять пудов, боевая палица в полтора пуда,

– Ну, царевич, дождай меня здесь, – говорит Ивашка белая рубашка, сорочинская шапка, – поутру пригоню я стадо кониное, впереди всех кобылица будет, а вслед за ней жеребец; кинутся они в воду и поплывут далеко-далеко, а как солнышко с полудня своротит да свалит жар, станет тот жеребец выгонять кобылицу в зеленые луга. В те поры смотри не зевай: только ступит жеребец на берег, тотчас и бей его промежду ушей своей палицей.

Сказано – сделано. На другой день выждал Василий-царевич удобный час, ударил жеребца боевой палицей промежду ушей – жеребец на колени пал; зауздal его добрый молодец уздой трехпудовой, надел на него седельце черкасское и сел верхом. Как очнулся жеребец от удара богатырского, как понес Василья-

царевича по долам, по лугам, по высоким горам! Трое суток носил без роздыху, и не пот с коня, алая кровь капает. Возгласил тут добрый конь человеческим голосом:

– Гой еси, Василий-царевич! Отпусти меня погулять три зари утренние; в синем море я искупаюся, на росе поваляюся, и буду я твой верный слуга.

Царевич отпустил коня; конь погулял три дня и воротился таким сильным и бодрым, что лучше того и не видано и не слыхано.

Сел Василий-царевич на коня и поехал за тридевять земель, в тридесятое государство; долго ли, коротко ли, приезжает он в царство львиное. Говорит царь-лев:

– Эй, мои детки семеры! Берите вилы железные, подставляйте под мои очи старые, дайте мне посмотреть на доброго молодца!

Посмотрел, узнал его и обрадовался:

– Добро жаловать, Василий-царевич! За твою услугу великую гости у меня, сколько надобно.

Накормил его, напоил, спать положил, а наутро в путь-дорогу снарядил. Вот царевич ехал, ехал и приезжает в змеиное царство; царь-змей обрадовался, ласково гостя встретил и ласково проводил. Поехал царевич дальше – в вороново царство. Встречает его царь-ворон и говорит:

– Хорош молодец, за что, про что обломил крыло у моего братца родимого? За такой провинок надо б с тебя голову снять; да уж так и быть – смертным страхом отделайся.

Взял – посадил царевича на крылья, полетел на сине море и сбросил его в самую глубь. Василий-царевич упал, окунулся в воду и как скоро вынырнул, царь-ворон подхватил его и вынес на сушу.

– Поезжай теперь, куда ведаешь!

Опять сел на коня Василий-царевич, собирается дальше путь держать. Говорит ему добрый конь:

– Крепче держись, Василий-царевич! Надо в три часа, в три минуточки поспеть в тридесятое царство. Под то царство подступил Иван, русский богатырь, рожа шитая, нос плетеный, язык строченый, ноги телячьи, уши собачьи. Если не поспеем туда в три часа, три минуточки, то возьмет он царь-девицу за себя.

Приехал Василий-царевич к тридцатому царству, мимо Ивана, русского богатыря, проскакал, словно молоньей просветил; разъезжались они на двадцать верст, припускали коней навстречу, как ударились боевыми палицами – ажно гром загремел! Бились-бились, никто не осилеет; приустали добрые витязи и условились дать друг другу перемирье на три дня. Василий-царевич разбил шатер, лег на отдых и заснул крепким богатырским сном.

Третьи сутки на исходе, а он все спит. Стал его будить добрый конь:

– Гой еси, Василий-царевич! Не время спать, время вставать, с Иваном, русским богатырем, бой начинать.

Разъезжались витязи на тридцать верст, разгоняли коней навстречу, бились-бились – ни тот, ни другой не осилеет; взяли перемирье еще на три дня. Царевич лег в шатре и опять уснул. Третьи сутки на исходе, будит его добрый конь:

– Гой еси, Василий-царевич! Полно спать, время вставать, Ивану, русскому богатырю, голову сымать.

Вскакивал Василий-царевич, седлал своего жеребца наскоро, подпруги подтягивал натуго – не для бодрости, а для крепости; едет он, под ним конь пляшет, а Иван, русский богатырь, едет, под ним конь слезно плачет.

Разъезжались они на пятьдесят верст, припускали коней навстречу, как ударились – земля задрожала! Иван, русский богатырь, промах дал, не сдержал в руке боевую палицу, пала она острием наземь и ушла в глубину на три сажени; а Василий-царевич угодил его коню прямо в грудь, посадил того коня задом на сырую землю, самому Ивану-богатырю снял буйную голову.

– Теперь путь мне, доброму молодцу, не заказан; возьму-ка я гусли звончатые да пойду в любимый сад царь-девицы.

Взял гусли, пришел в сад и заиграл так нежно да сладко, что и сказать нельзя.

Услыхала ту игру царь-девица, зовет своих нянюшек-мамушек, дает им портрет Василья-царевича и посылает в свой любимый сад:

– Бегом бегите, хорошенько разглядите, не приехал ли Василий-царевич? Не он ли в саду на гусях играет?

Нянюшки-мамушки побежали, посмотрели, с портретом сличили, вернулись к царь-девице и докладывают:

– Нет, то не Василий-царевич на гусях играет; хоть и схож на него, а все не он: Василий-царевич куда прекраснее!

Отвечает им царь-девица:

– Ах вы глупые-неразумные! Ведь царевич теперь от великих трудов изнурился, оттого и портрет не приходится.

Бросилась сама в сад, тотчас узнала своего суженого, брала его за руки белые и вела в свои терема высокие. Обвенчались они, отпраздновали свадьбу и поехали в государство Василья-царевича. Мачеху и дядьку приказал царевич на воротах расстрелять, а сам с молодой женою стал жить-поживать, добра наживать.

Русские народные сказки читать